

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-133-154

УДК 101.1

МИР С НОВА УМЕР... ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР!

Шевцов Александр Александрович,

доктор психологических наук,

профессор Российского государственного педагогического

университета им. А.И. Герцена,

Россия, 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48

al.al.shevtsov@gmail.com

Аннотация

Философия, как одно из мировоззрений, была далеко не первым способом создания описания мира. До нее существовала целая последовательность других описаний в слове. Очень важно то, что эпос постепенно вытесняет миф, а логос вытесняет эпос. Но к V в. до н. э. истину ищут философски, и именно логос становится языком философии и нового мировоззрения. Автор анализирует слова Платона из четвертой книги «Государства». Речь идет о тонком силовом устройстве человека, о тех силах – *дюнамис*, которые определяют, к какой части общества относится тот или иной человек. Те, кто правит, должны развивать в себе *логистикон дюнамис* – силу ума, или, точнее, рассудка; защитники и стражи – силу *тумоса*, условно духа. А вот остальные свободные граждане полиса руководствуются силой, именуемой *эпитуоме*, т. е. желанием. В статье рассматривается движение всячь: от смены мировоззрения и революций к самому первому перевороту – битве титанов и богов. Почему философы, в общем-то, не признающие богов, оказались на их стороне? История показывает: особое возмущение греческих философов вызывал способ думать, который использовали люди ручного труда. Ничтожность ручного труда – это исключительно мировоззренческое отношение, проявляющееся через общественное мнение правящего сословия, потому что ручной труд – это признак большинства общества: земледельцев, ремесленников и купцов. Иными словами, мы можем трактовать переворот, свершившийся в мире богов и вознесший над Землей Олимп, как борьбу прежних культов с новым культом богов воинской аристократии. Но автор убежден, что борьба за Олимп еще не завершилась. Если прислушаться, то вы услышите, что идет битва за Разум, меняющая природу человека. Потому что мы сделали выбор: быть с богами, быть их творением – человеком разумным.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, миф, эпос, логос, Платон, душа, разум, титаны, боги.

Библиографическое описание для цитирования:

Шевцов А.А. Мир снова умер... Да здравствует мир! // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 1. – С. 133–154. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-133-154.

Если вообще есть время, то мир уже умер.

Из дневников В.Я. Протва

Мировоззрение – это способ видеть мир «правильно», что также означает и не видеть «ненужного», даже если оно есть в мире. Чтобы видеть *правильно*, нужно руководствоваться правилами. Мы никогда не видим Творца правил, как не видим Логос. Но правила есть, и по их присутствию можно судить и о наличии Творца. Или творцов. Но творцы все время между собой сражаются. Особенно в мировоззрениях.

Мировоззрения – коварные изобретения разума!

Философия, как одно из мировоззрений, была далеко не первым способом описания мира (*правильного* описания). До нее существовала целая последовательность других правильных описаний в слове. «Греки различали “слово” как “миф” (μῦθος – mythos), “слово” как “эпос” (ἔπος – epos) и “слово” как “логос” (λόγος – logos).

Миф, эпос и логос имели свои сферы употребления, хотя границы эти, некогда довольно четкие, с течением времени стали не столь очевидными и доступны объяснению только при специальном анализе... Судя по всему, “логос” связан с развитием аналитического мышления и широко употребляется в греческой классике, не находя себе места в архаические времена, где господствовал “миф”, выражая первичную нерасчлененность и обобщенную целостность жизненных представлений.

У Гомера, например, “логос” совсем не встречается, если не считать только трех случаев, но зато у философов-стоиков IV–III вв. до н. э., разрабатывавших учение о слове, в равной мере не употребляется “миф”, повсеместно уступая место “логосу» [13, с. 10].

Возможно, еще важнее то, что эпос постепенно вытесняет миф, а логос вытесняет эпос. Каждое вытеснение происходит как переворот в представлениях, после которого то, что называлось Словом и считалось истинным повествованием, превращается в сказку, т. е. обретает качество неистинности.

«В эпосе термин λόγος встречается крайне редко..., причем он заменяется в том же значении терминами μῦθος (миф) или ἔπος (эпос): в тех немногих случаях, когда попадается λόγος (или, точнее, λόγοι – слова во множ. ч.), разумеются обыкновенно лстивые, ложные, пустые слова, “слова лукавствия”, в противоположность истинным, правдивым речам или рассказам – “мифам” или “эпам”. Но мало-помалу такое отношение ради-

кально изменяется: “логос” берет верх над “мифом” или “эпосом”. Миф из “сказа” превращается в “сказание” или “сказку” и противопоставляется истинному слову – логосу; “эпос” в свою очередь превратился в говор, молвь, поговорку, в те слова, в которые облачается речь, иногда для своей прикрасы, иногда для того, чтобы скрыть свой истинный смысл. Миф может иметь и разумный смысл, но он требует объяснения посредством “слова”. Детская мысль тешится мифами; в период умственной зрелости миф отходит всецело в область предания, поэзии или вымысла. Миф, являвшийся некогда истинным, обращается в “ложную речь, подражающую истине” или уже в поэтическую фабулу, в басню (напр., “мифы” Эзопа). Прежнее словоупотребление остается отчасти у трагиков, в поэзии. Логограф есть прежде всего писатель-прозаик в отличие от поэта – “аэда”: первые греческие “логографы” суть древнейшие историки от Кадма и Гекатея Милетского до Геродота, изложившие историю в прозе в отличие от поэтической формы мифа эпических поэтов. Мифическое мирозерцание поэзии сменилось прозой трезвой мысли» [17, с. 54–55].

К VI–V вв. до н. э. истину ищут философски, и именно логос становится языком философии и нового мировоззрения. Я имею в виду не те прозрения о логосе, что были у Гераклита и Парменида. Речь о высокой классике, о Платоне и Аристотеле. Можем ли мы говорить, что они – деятели революции, подобные Дидро и Даламберу с их «Энциклопедией», совершившей главный мировоззренческий переворот Нового времени? Конечно, какой-то своей революции, происходившей в ту пору в греческом обществе, где Разум с очевидностью утверждался на философском Олимпе как высшее божество, подобное Зевсу.

Безусловно, и Сократ, и Платон, и Аристотель были весьма вовлечены в политику. Чего стоит «Апология Сократа»! [20]. Это прямая попытка даже ценой жизни оказать воздействие на мировоззрение правящего сообщества Афин. Соответственно, и *Политейи*: «Государство» Платона [16] и «Политика» Аристотеля [3] – это классические политические трактаты, по-настоящему сограждан изменить свои взгляды и видеть устройство и правление государством «правильнее».

Однако трактаты при всей их политизированности трудно рассматривать как революционные. Разве что «Апология» свидетельствует, что деятельность Сократа рассматривалась самим полисом как направленная на переворот каких-то существующих устоев: «он не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество» [15, II, 40].

Был ли Сократ революционер? Были ли Платон и Аристотель революционны в своих учениях? Общее впечатление таково, что они как раз сторонники укрепления существующего строя. Как пишет Ксенофонт в

«Воспоминаниях о Сократе», учение Сократа сводилось к этическим вопросам: «Собеседники Сократа искали его общества не с тем, чтобы сделаться ораторами..., но чтобы стать благородными людьми и хорошо исполнять свои обязанности по отношению к семье, слугам, родным, друзьям, Отечеству, согражданам» [11, II, 48].

По общему философскому мнению, эти философы совершили революционный прорыв в философии. Но в чем он заключается?

Мыслитель является революционером вовсе не потому, что призывает к низвержению строя. Для мыслителя революция не обязательно должна происходить сегодня и завтра, революция могла произойти вчера. Она происходит как смена строя, но нужно, чтобы она была принята мировоззрением людей, и философы продолжают революционную работу еще долго после того, как политики успокоились. Продолжают, потому что видят опасности, которые так же легко сметут нынешнюю власть, как до этого смели прежнюю. Политикам кажется, что одной власти достаточно, чтобы управлять народом, а философ видит, что власть должна укорениться в душах, лишь тогда она будет прочной.

Похоже, что этими философами движет какая-то более ранняя революция, столь страшная и ужасающая, что ее нельзя забывать. Как описывает Гесиод, во время тех событий сам Хаос горел и корчился в ужасающем пламени до самых Небес! Поэтому Сократ и призывает афинян к заботе о душе даже во время казни.

Против Сократа были не просто выставлены лучшие юристы Афин. На него была натравлена толпа, было создано общественное мнение, которое и восторжествовало на суде. Сократ был осужден еще до суда.

Если не забывать о том, что величайший философ, с которого, собственно, и начинается поворот философии от физики к человеку, был осужден толпой, а отнюдь не философами, по-новому зазвучат слова Платона о тонком силовом устройстве человека. Речь идет о тех силах – *динамис*, которые определяют, к какой части общества относится тот или иной человек. Те, кто правит, должны развивать в себе *логистикон динамис* – силу ума, или, точнее, рассудка; защитники и стражи – силу *тюмоса*, условно – духа. А вот остальные свободные граждане полиса руководствуются силой, именуемой *эпитюме*, т. е. желанием¹.

Платон пишет: «Множество самых разнообразных вожделений, удовольствий и страданий легче всего наблюдать у детей, женщин и домашней челяди, а среди тех, кого называют свободными людьми, – у ничтож-

¹ *Эпитюме* в русских академических изданиях Платона (Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Наука, 1990) принято переводить как *вождеделение*. Это неверно. В русском языке этому греческому понятию соответствует слово *охота*, включающее в себя и желания, и жизненные потребности, и похоть.

ных представителей большинства» [16, с. 431]. Ничтожное или презренное большинство свободного населения греческого полиса – это не просто толпа. Это вполне определенное сословие, из которого тысячелетия спустя родится правящая ныне буржуазия. Это земледельцы, ремесленники и торговцы, люди ручного труда, который презирался в Афинах классической поры как способ жизни, недостойный благородного человека.

У них нет ума в философском смысле, они трусливы духом, но они *хотят!* Их *охота* пожирает всё, и они не способны противостоять ей, не способны управлять собой и своими желаниями, что отличает благородного человека.

Об этой силе, превращающей людей во всё пожирающую, хищную биомассу, есть множество высказываний и у Платона, и у Аристотеля. Жизнь деятельная, *vita activa*, признается допустимой для благородного человека только в прочтении ее через жизнь созерцательную – *биос теоретикос*. Теория по-гречески – это созерцание. Поэтому благородный человек, допущенный к управлению полисом, должен изучать воинские искусства и гимнастику, а также искусство управления полисом, политейю, для чего должен осваивать философию и ораторское искусство.

Но он не должен быть «человеком ручного труда»!

Что за странное требование? Ведь тот же Сократ в спорах постоянно приводит примеры из жизни различных ремесленников, да и богатство Афин стоит на ремесле и торговле, поскольку времена грабежа и завоеваний давно прошли.

Давно прошли – с точки зрения жизни отдельных людей, но не с точки зрения дьяцейся в веках революции. Революции философской предшествовало несколько исторических и доисторических революций. Одна из них, благодаря которой к власти пришла воинская аристократия, произошла, можно сказать, на исторической памяти человечества.

Эта революция началась с появлением металлического оружия, когда воины отодвинули от власти жрецов. Она происходит во всех арийских обществах, начиная с древнеиндийского, где кшатрии забирают власть у брахманов, стараясь обосновать это и в философии. Так появляются кшатрийские упанишады, доказывающие, что мудрость кшатриев так высока, что даже брахманы должны учиться у них. К примеру, в старейших упанишадах – «Брихадараньяке» и «Чхандогье» – кшатрий Правахана наставляет самого брахмана Уддалаку.

Жорж Дюмезиль, изучая верховных богов индоевропейцев, приходит к выводу, что древнее индоевропейское общество делилось на три сословия, каждое из которых исполняло свои магические функции. Жрецы, воины и ремесленники составляют сообщество свободных людей. Но с появлением железа воинская аристократия выдвигается вперед, меч меняет

мир, возводя на вершину мира новые силы. С подачи Рене Генона этот процесс называется кшатрийской революцией (Генон Р. Кризис современного мира).

Именно это и произошло в Древней Греции. Во времена Платона у власти, несмотря на всю внешнюю демократичность полиса, находятся люди, несущие идею воинской аристократии. Платон, как выразитель интересов воинской аристократии, называет тех, кто правит, «подлинными стражами». А место жрецов готовит для философов, которые, конечно, мудрее воинов, но при этом не занимают соответствующего их уму места.

Тот, кто правит, должен развивать в себе не просто способность к созерцательной жизни, он должен развивать *логистикон дюнамис*, силу рассудка, если переводить на русский. Воин же опирается на силу *тумоса* — чувства или духа, который плохо рассуждает и потому должен постоянно сдерживаться рассудком. *Тумос* — это ярость и гнев, затуманивающие ум героя. («Илиада» начинается с призыва воспеть гнев Ахилла, величайшего воина века героев.)

Но почему философы V в. до н. э. вдруг начинают, подобно творцам эпоса, воспевать воинов и стражей? Потому что они прозревают ужас того, что надвигается вместе с жадной толпой, управляемой софистами и ораторами. Кто-то должен сдерживать силу *охоты*, правящей низшими и презренными сословиями общества. Для управления толпой правители должны опираться на стражей. Иначе говоря, разум должен использовать ярость духа, чтобы восстанавливать справедливость. Власть раздается судьбой случайно и вовсе не по достоинству. Мало тех, кто способен править; тех, кто сражается за порядок и справедливость, тоже меньшинство. Но только они могут «правильно» управлять большинством ничтожеств, которые и составляют основное население полиса. Большинство, постоянно *хотящим*, не желающим совершенствоваться и получать *по праву*, если можно взять силой.

Как рождалось такое видение общества, и была ли описана эта революция, приведшая к власти воинскую аристократию, *до философии*?

Да, как ни странно, о той революции, с которой всё начиналось, сохранилось немало воспоминаний. Именно ее запомнил миф, который был объявлен ложью и сказками. Потому что, если действительность была такой на самом деле, то возникают большие опасения за будущее!

Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, занимаясь индоевропейской мифологией, пришли к выводу, что основным мифом индоевропейцев был миф о бое громовержца со змеем [10]. Этот миф присутствует в том или ином виде у всех индоевропейских народов. У греков этот миф сохранился как рассказ о бое Зевса с Тифоном, огромным чудовищем, вместо ног у которого извиваются кольца змей, и был повторен в рассказе о бое Аполло-

на со змеем Пифоном. Что любопытно, в этой битве Зевс применяет не только молнии, но и кривой стальной меч! Он являет себя как меченосец, что соответствует приходу к власти воинской аристократии. Но рассказы об этих битвах – лишь последние искры затухающей уже великой войны богов с титанами за власть над миром. Мир уже перевернут, Олимп вознесся, Разум и София взошли над нашим миром как новая заря. А от людей теперь требуется любить богов, любить мудрость. Так рождается ФилоСофия.

Это и есть та революция, следы которой мы застаем в философии классического периода. Низвержение титанов в Тартар и вознесение Олимпа как новой вершины мира – полноценный образ того, как переворачивается основание, на котором стоит власть. То, что только что правило, оказывается в нижнем пространстве, в пространстве ПОД, а тот, «кто был ничем», вдруг становится НАД, становится всем!

В итоге этой революции в нашем мире появились боги. Потом они исчезли. Или не исчезли? Этот вопрос кажется пустым, как сами мифы. Однако если миф был когда-то словом истины, его нельзя отбрасывать. В эту историю человечества просто необходимо взглянуть, потому что она может хранить в себе самые важные ответы!

Битва богов с титанами типична для всех мифологий, которые мы знаем. Ее рассматривают как сказку, в которую и превращается миф, вытесненный из пространства *истинного*. Но когда мы находим следы этого мифа в платоновском «Государстве», это заставляет задуматься. Мы привыкли к тому, что Платон творил философские мифы, и относимся к ним как к своего рода метафорам. Но приведенная мною выше выдержка, посвященная *вождедению*, которое легче всего наблюдать у «ничтожных представителей большинства», не похожа на мифотворчество. Она звучит настолько обыденно, что обычно не замечается. В крайнем случае исследователи говорят о типичном для греческих философов презрении к ручному труду и ремеслам как о бытовом факте греческого полиса, сопоставимом, к примеру, с приверженностью к «греческой любви». В общем, пустяк. Однако в мифологии среди прочих перипетий длительной войны богов с титанами отношение к ремеслам и ручному труду при всей своей кажущейся ничтожности, как это ни странно, является одним из главных яблок раздора.

Если вдуматься, ничтожность ручного труда – это мировоззренческое отношение, проявляющееся через мнение правящего сословия, потому что ручной труд – это признак большинства общества: земледельцев, ремесленников и купцов. И даже шире: ведь те, кто презирает ручной труд, это правящее меньшинство, а оно пришло к власти, завоевав во II тысячелетии до н. э. все греческие земли, покорив автохтонное население. Иными словами, мы можем трактовать переворот, свершившийся в мире бо-

гов и вознесший над Землей Олимп как борьбу прежних культов с новым культом богов воинской аристократии, составлявшей безусловное меньшинство населения, но презиравшей ничтожное большинство в первую очередь по признаку отношения к ручному труду, что одновременно означает и предпочтение труда умственного.

Безусловно, такое огромное историческое событие, как покорение целой Греции, не могло не отразиться в мифологии. И отразились оно в рассказах не только о грандиозных битвах, но и о том, что стояло за этой борьбой; не только о подвигах, но и о подлости, коварстве, изменах и предательствах.

Первое из этих предательств было совершено титаном Кроносом по отношению к своему отцу Урану (в греческой мифологии бог, олицетворяющий небо). После этого у титанов прерывается связь с небом: Уран, оскопленный Кроносом, перестает вмешиваться в земные дела. И лишь олимпийцы восстановят эту связь с помощью своих Небес как лестницы, ведущей в утраченную прародину. Собственно, суть революции, которую совершают боги, свергая титанов, это восстановление связи с Небом: Зевс объявит себя богом Неба и будет править миром от лица Неба, т. е. своего предка Урана. Титаны же жестко связаны с Землей и ее подземным, теллурическим огнем. Они – детища Земли. Что означал этот разрыв с Небом в том далеком прошлом, мы, вероятно, никогда не узнаем, но миф его отметил.

Следующую измену совершает уже сам Зевс, сын Кроноса, изгоняя отца из этого мира и отрекаясь от принадлежности к титанам. Он объявляет себя и своих родичей богами, что в индоевропейской этимологии означает Свет, отдавая титанам тьму Тартара. И этим противопоставляет титаническому пути Новый путь, который поведет к рождению Света разума, или просто Разума. Но победа была одержана Зевсом благодаря самому важному для наших судеб предательству, которое и позволило богам победить титанов. Предательству, в котором стихия выказала удивительное постоянство, несмотря на всю свою гибкость.

Его совершил двоюродный брат Зевса титан Прометей. Суть этого странного «предательства» сводится к следующему. Сын самого человекоподобного из титанов, Япета, он воевал против Зевса и его союзников на стороне своих родичей. Прометей раз за разом пытался их убедить, что с Зевсом силой не справиться. По крайней мере, с ним не справиться обычной, титанической силой стихий, поскольку Зевс использует более тонкую силу – силу ума. Но титаны – это стихии, которые предпочитают открытую силу, и переубедить их не удастся.

Отчаявшись, Прометей переходит на сторону Зевса, становясь его советником. Именно благодаря его советам боги и побеждают титанов, низ-

вергая их в Тартар. После этого Прометей живет на Олимпе, оставаясь советником Зевса. Но недолго (по понятиям бессмертных, конечно). Ведь титаны, как и боги, бессмертны, в отличие от гигантов, к примеру. И это очень важно для понимания происшедшего.

Титан – это сущность определенной стихии. Их можно, как и богов, видеть личностями, но далеко не все титаны имеют человеческие тела, хотя и могут воплощаться в тела смертных людей. Так, Океан – первый из титанов, рожденных Землей, – это огромная река, охватывающая землю; Гелиос – солнце, Метида – мудрость.

Олимпийцы, победив титанов, берут управление над стихиями. Посейдон управляет морями, хотя не является ни морем, ни океаном. Аполлон – бог солнца, но он не солнце. Афина – богиня мудрости, но не мудрость. Поэтому Пифагор и может сказать, что он любитель мудрости, но не мудрец – все необходимые для этого утверждения понятия уже заложены в мифологии. Мифология вообще чрезвычайно философична, многие понятия физики не начали бы осмысляться, не будь они созданы в мифологии.

Что значит это сочетание стихийности с бессмертием?

Титаны невообразимо цельны в своих проявлениях. Если уж Метида – мудрость, то в ней нет ничего, кроме мудрости, и она никогда не может изменить мудрости, потому что мудрость – ее природа. Мудрость, говоря философски, есть идея Метиды (в платоническом смысле). Поэтому загнанные в Тартар титаны никогда не оставят попыток вернуть себе этот мир...

Прометей, как и любой из титанов, абсолютно верен своей идее, поскольку она есть его природа. Поэтому все подозрения его в предательстве несостоятельны. Прометей заявляет: Зевса нельзя победить силой, и после этого идет к нему в советники. Если он исходно воюет за ниспровержение Зевса, то может ли он оставить эту задачу, став его советником? Ведь всё, что делает Прометей, делает его бессмертная природа. Следовательно, и задача низвержения Зевса для Прометея бессмертна, как и задача одержать победу для титанов!

Но если Зевс в этом мифологическом противостоянии титанам представляет собою Разум, *логистикон дюнамис*, то мы оказываемся внутри весьма странной битвы...

Зевс проглатывает свою первую жену, титаниду Метиду, или Метис, тем самым становясь хозяином мудрости. Он ее усваивает! Но это титаническая мудрость, подобная прометеевой. От этого у Зевса рождается из головы Афина – богиня мудрости, которая правит своей стихией. И теперь все покоренные народы знают, что мудрость изрекается устами Зевса, а не их прежними богами. Это очень важно с точки зрения утверждения рево-

люционной идеологии. Но не менее важно то, что он и в самом деле мудр. Почему же он приближает к себе Прометея? Он слеп?

Думаю, тут работает древнее политическое правило: врагов надо держать как можно ближе к себе, потому что так за ними проще следить. Поэтому после освобождения Гераклом прикованного Прометея Зевс снова берет его на Олимп. Советником! Он не может *уничтожить* ту стихию, что действует через Прометея, но так он может исправлять последствия ее действий как можно быстрее. Если Прометей будет действовать из Тартара, уследить за его стихией будет трудно.

Но что это за стихия?

По Гесиоду, первое поколение людей было создано еще Кроносом (титаны, в отличие от богов, были весьма благосклонны к людям). Люди, созданные Кроносом, были золотыми, и при нем на Земле долго стоял «золотой век». Возможно, в этом мифе отразились представления о первобытном строе, когда люди не знали жадности и зависти и не убивали друг друга из-за золотых побрякушек. Правда, греческие трагики уже в V веке до н. э. изображали этих первых людей не умнее муравьев...

Зевс начинает свою революцию прямо во время «золотого века». Нигде не говорится о том, что он, свергнув титанов, уничтожает и созданных ими людей. Но золотое поколение после победы богов вымирает. Возможно, эти люди были приспособлены лишь для жизни в титаническом мире, а в божественном жить не могли. Умерев, они становятся духами, блаженными даймонами, с Небес заботящимися о живущих...

После этого появляются серебряное и медное поколения, но они не удовлетворяют Зевса. Глуповатое серебряное поколение Зевс истребил за непочтение, а медное – за свирепость. После них были герои, или полубоги, и наше – железное – поколение, при жизни которого сын пойдет на отца, брат предаст брата, а женщины будут развратны... Но посередине, примерно в то время, когда жили медные люди, и определенно до поколения героев, поскольку оно погибает уже в историческую эпоху Троянской и фиванской войн, создает своих людей Прометей. Мифы плохо помнят те события. Возможно, он делает их взамен медных людей. Но факт очевиден: Прометей – демиург, бог-творец, подобный библейскому Саваофу, творивший современное человечество наряду со многими другими богами. Заметим, что в этом отношении единобожие не работает: и у евреев во время творения были *илохим* – т. е. *боги*, и у греков люди происходят от множества богов, включая того же Гефеста. Так что в человечестве намешано очень много разных кровей, включая голубую кровь титанов и *ихор*, как звалась кровь богов.

Как Прометей творит людей? Чрезвычайно схоже с библейским богом: он лепит их тела из глины, словно гончар, а Афина вкладывает в тела

души. Чуть позже, когда Зевс примется искоренять это прометеево человечество, Гефест по его приказу повторит творение Прометей, вылепив прекрасную женщину Пандору, которая и посеет беды и несчастья среди людей. Но и родит от брата Прометей Эпиметей несколько детей, род которых, надо полагать, всё еще тянется по земле.

Кстати, когда Прометей обучал созданных им людей ремеслам и математике, Эпиметей наделял их способностями. Имя Прометей означает «провидец», «думающий вперед»; имя Эпиметей переводится как «сильный задним умом». Если вдуматься, то в этом мифе, как в русской сказке, мы имеем двух братьев, один из которых Умный, а второй – Дурак. Сейчас слово *дурак* означает глупость, т. е. нижний полюс разумности в противоположность полюсу ума. Но этимологически оно – производное от слова *дурной*, которое соотносится с греческим *ουρός* – «яростно бросающийся, неистовый», *ουρίς ἀλή* – «бурная, стремительная сила».

Дурак – глупец только в новом мире. В прежнем он носитель бурной, стремительной силы, исполненный мощи, отваги и рвущийся в бой. В паре Прометей–Эпиметей дураком выступал последний, которого считали недалеким. Ох, как непроста его недалекость!..

Троица *Прометей, Афина и Гефест* наиболее любопытна для нашего исследования. Афина, покровительница ремесел, можно сказать, «крестная дочь» Прометей, потому что именно он «принимает роды» у Зевса, расколов ему голову молотом. Афина рождается благодаря Прометею.

Чрезвычайно любопытно, хотя нигде прямо и не названо, то, что Афина, дочь богини мудрости (титаниды) Метиды, оказывается той богиней, которая должна управлять некой стихией, которой тождествен один из титанов, как Аполлон по отношению к Гелиосу.

Но что это за стихия? Какому титану наследовала Афина? Почему принимать ее в мир был избран Прометей? Не его ли стихию и должна была обуздать юная богиня?

Прометей – провидец. Миф постоянно путается в том, кто предсказывает Зевсу различные события: то это Гея, то Метида или Фетида, то Прометей. Афина – богиня мудрости. Но что такое мудрость, как она понимается в мифе? Это ведь не то, что имел в виду Пифагор и последующая классическая философия. Это мудрость в народном понимании, которая упоминается в Ведах, Эдадах, в русских былинах, сказках и духовных стихах. Эта мудрость часто именуется хитростью. Она позволяет героям понимать язык птиц и зверей, превращаться в различные существа. Вот и Метида, пытаясь ускользнуть от Зевса, превращалась в различных существ, и когда превратилась в нечто маленькое, он ее проглотил, подобно Коту в сапогах, глотающему великана огра, превратившегося в мышь.

Мудрость «золотого века» – это совсем не то, чем она становится с рождением Афины. Божественная мудрость воплощается в философии. Добоженственная мудрость, мудрость титанов, стихий – нечто для нас незнакомое, и потому мы можем не распознавать ее в Прометее. Но боги распознавали.

У этой мудрости были свои особенности. Прометей не только лепит людей из глины, как гончар, он еще обучает этих новых людей ремеслам. Недаром рядом с Афиной постоянно присутствует главный бог ремесла на Олимпе – Гефест. Сама фигура Гефеста сомнительна. Очень вероятно, что он по происхождению титан и вовсе не сын Геры.

Новая, революционная идеология победителей превратила наиболее почитаемых божеств покоренных народов в детей Зевса. Так, Аполлон был назван его сыном, однако он продолжал воевать с Зевсом даже на Олимпе. Мифы помнят, что Гефест был рожден Герой без участия Зевса в отместку за рождение Афины без ее участия. А есть мифы, утверждающие, что он сын Гелиоса.

В любом случае Гефест после рождения был скинут с Олимпа и жил на дне океана у Фетиды, совершенствуясь там в кузнечном искусстве. Он хром на обе ноги, что считается признаком хтонического происхождения; иными словами, он похож на змееногих противников богов. Его долго не допускают за пиршественный стол богов и не дают вкусить нектар. Он появляется на Олимпе лишь в то время, когда Прометей находится там в качестве советника, и всегда явно сочувствует Прометею. Во всяком случае, когда Зевс приказывает Гефесту приковать Прометея к скалам Кавказа, он долго медлит, и слугам Зевса, Бие и Кратосу, приходится его подгонять.

Итак, чтобы покорить стихию Прометея, Зевс вынужден приставить к нему двух богов: богиню мудрости и бога ремесел. Эту стихию можно назвать хитростью ручного труда. Битва богов с титанами начинается как состязание силы, но сила Зевса иной природы, и Прометей заявляет:

«Тогда титанам, неба и земли сынам,
Помочь советом добрым я хотел. Но мой
Совет отвергли. Презирая вкрадчивость
И всякое лукавство, те надеялись,
Что грубой силой без труда захватят власть.
А мать моя – и Геей и Фемидою
Она зовется – много раз, заранее
Исход той распри зная, говорила мне,
Что победитель победит не силою,
А хитростью, коварством он одержит верх» [18].

О какой хитрости речь? Именно о хитрости ремесла и искусства. Ручной труд оказывается предметом презрения для классической античной философии времен демократии. Демократии, которая формально является властью народа, большинства, но фактически исполняется узким кругом аристократов, поддерживаемых воинами и стражами. Античная демократия несомненно была уступкой правящего сословия презренному большинству свободного населения полиса, в сущности, обманом, политической игрой, как и во все последующие времена. Она необходима за тем, чтобы люди ручного труда не бунтовали, не подымались на войну за свои права, не совершали новых переворотов. Демократия – это хитрость, придуманная мудрыми богами...

И эта хитрость направлена на то, чтобы усмирить тех людей, которых создал и обучил Прометей. Но он любит людей, занимающихся ремеслами и техникой. И не просто любит – он готов ради них на бесконечные жертвы. По некоторым свидетельствам, он страдал на Кавказе тридцать тысяч лет, пока его не нашел Геракл. При всей случайности этого числа прибавьте три с половиной тысячелетия после Геракла и пяток тысячелетий до наказания Прометея, и мы получаем 40 тысяч лет – время рождения кроманьонца, человека современного типа. Шутка, конечно; но мы не знаем, какие действительные события отразились в мифе, когда его слово было истинным.

Итак, Прометей после нескольких неудачных попыток Зевса создать человечество творит своё, и Афина ему в этом помогает, вдыхая в людей души. Похоже, это было чем-то новым, потому что уничтожить этих людей уже не удастся, хотя Зевс рассержен и начинает гонения. Но Прометей, чтобы спасти свои творения, крадет для людей небесный огонь.

Это деяние часто понимается так, как будто Прометей учит первобытных людей пользоваться огнем. Но Гесиод прямо говорит, что это Зевсов огонь, за что тот и наказывает Прометея. Прометей крадет не огонь лесного пожара, он крадет искру того огня, что горит в кузне Гефеста, пряча ее в полум стебле тростника.

Древняя ведическая мифология, сохранившаяся с индоевропейской поры, утверждает, что огонь – Агни – существует в трех ипостасях: как костер на земле, солнце в небесах и молния в поднебесье. Прометей получает от Гефеста именно тот огонь, из которого ковались перуны Зевса. Это не огонь для костров, это огонь для чего-то другого. Мы понимаем его как огонь духа, огонь творчества, титаническое начало в человеке, понуждающее нас никогда не сдаваться. Но это именно тот огонь, который нужен ремесленнику для технического творчества. Это огонь не социальной, не политической, а научно-технической революции, именно с его помощью Гефест творил все свои технические чудеса.

Слово «техника» происходит от греческого τέχνη, которое на английский переводится словами *craftsmanship, craft, art*, а на русский должно бы переводиться как *ремесло* или *искусство ремесленника*. Немецкий мыслитель Фридрих Георг Юнгер в своих работах, посвященных технике и мифологии, усматривает связь техники с титаническим началом. Связь эта намного древнее, чем покровительство богов ремеслам.

Гея рождает Урану чудовищных детей – гекатонхейров и одноглазых киклопов. Это титаны первого поколения. Они настолько ужасны, что сам Уран низвергает их в Тартар. Начав борьбу с Кроносом, Зевс выводит их из Тартара и принимает на Олимпе. Киклопы – Арг, Бронт и Стероп – становятся первыми кузнецами богов. «Эти Одноглазые являются рабочими, кузнецами, механиками, наделенными чудовищной силой и размерами. В их подземных кузницах и мастерских они выковывают молнии для Зевса... Выковывая молнии и оружие, они позднее появляются в кузницах Гефеста... Их надо отличать от киклопов-каменщиков, а также от сынов Посейдона, киклопов Гомера, живущих на Фринакрии как пастухи и скотоводы.

В киклопах, которые являются сыновьями Геи, проявляется механическое начало, к которому тяготеет титаническое, изобретательское, искусное и одновременно насильственное, что находит законченное выражение в Прометее» [20, с. 21].

Даже если различать киклопов разного происхождения, все они либо ремесленники, либо земледельцы, т. е. существа ручного труда. «Титаническое возвращающееся предстает как механическое течение во времени, как повторяющийся трудовой процесс. По своей природе Арг, Бронт и Стероп – рабы и слуги, и потому служат Кроносу, Зевсу и Гефесту, последний из которых кажется им ближе и родственнее прочих богов, вот почему они укрываются в его кузницах» [Там же, с. 22].

Считается, что в кузницах Гефеста горит теллурический огонь, струящийся из глубин земли, почему и кузницы киклопов расположены под землей. Этот огонь отличен от огня костра и пожара, поэтому из него и созидались молнии Зевса. Титаны – детища Земли – используют ее внутренний огонь, созидавая, подобно гномам, чудеса технэ, и так порождают технику!

В своей ранней работе «Совершенство техники» Юнгер связывал технику и человека производящего, *homo faber*, с титаническим началом. В его видении техника обретает свободу от труда ремесленника и становится самостоятельной, действующей сущностью: «Техника не использует непосредственно солнечное тепло... Она расхищает те кладовые, в которых дремлют преобразенные формы соляного огня, пропитанные им теллурические субстанции. Кузнечный огонь непосредственно добывается из

теллурических источников, это тот огонь, та стихия, олицетворением которой впоследствии стала саламандра.

Техника ведет свое происхождение от теллурического огня. Она начала с того, что поставила себе на службу этот огонь, создав аппаратуру, которая тем или иным способом приводилась в движение огнем. Весь наш технический персонал вышел из кузниц. Из кузнецов выделились слесари, затем, в век технической специализации, все остальные технические работники, имя которым легион» [21, с. 242, 243].

Или у Гесиода:

«Землю теперь населяют железные люди. Не будет

Им передышки ни ночью, ни днем от труда и горя» ... [5]

Воинская аристократия Греции в лице олимпийских богов с великим подозрением следила за действиями Прометея и всех порожденных им людей ручного труда. При первой же возможности Зевс прерывает эксперименты Прометея, приковывая его к скале, а созданное им поколение людей уничтожает так называемым Девкалионовым потопом. Но уничтожены были не все. Выжили сын Прометея Девкалион и его жена Пирра, которые и прямо творят людей, бросая камни через плечо, и рожают детей. Начинается век героев, которые были полубогами, но и этот эксперимент Зевса был неудачным: все герои погибают либо под Фивами, либо под Троей. А вот железные люди живут...

Почему философы, в общем-то, не признающие богов, оказались на стороне победителей? Особое возмущение греческих философов вызывал способ думать, который использовали люди ручного труда. Платон даже вводит в восьмой книге «Законов» строжайший запрет на занятие ремесленным трудом. Нарушители его должны были подвергаться публичному осуждению или гражданскому бесчестью. Почему?

Французский исследователь Пьер Видаль-Накэ объясняет это вредностью ручного труда: «Например, Платон использует *banausia* в сочетании с *demiourgia* в том месте “Государства”, где говорит о том, что философия привлекает многих людей, непригодных к занятиям ею, поскольку их тела деформированы производственным трудом, а души искалечены ремесленной деятельностью (...βαναυσίας) (Государство. VI 495d-e). *Demiourgia* портит тело, душа же подвергается разрушительному воздействию, когда человек является *banauso*» [4, с. 251].

Свидетельства презрения к ремесленному труду, земледелию и торговле в античном обществе многочисленны. К примеру, Ксенофонт в трактате «Домострой» приводит высказывание о ручном труде: «Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочих, и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без

солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня.

А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее.

К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами» [12 (4.203)].

Почти то же самое мы можем найти у Аристотеля. Как пишет Арндт, «Аристотель различал три образа жизни – βίαι – между которыми мог выбирать свободный человек, т. е. человек, не зависящий от жизненной нужды и ею созданных обстоятельств. Поскольку речь шла об образе жизни свободы, отсекались все профессии, прислуживающие самой жизни и ее поддержанию, стало быть, прежде всего труд, который как образ жизни рабов страдал от двойной вынужденности, а именно от жизненной нужды и от приказа господина; но и созидательный образ жизни свободного ремесленника и нацеленная на прибыль жизнь торговца тоже оставались вне рассмотрения.

Исключались тем самым все образы жизни, которые вольно или невольно, временно или в продолжение всего срока жизни не давали свободы движения и действия, не во всякий момент жизни позволяли человеку быть господином своего времени и своего местопребывания» [2, с. 23].

Именно как закрепление в мировоззрении иного способа думать, чем это было у титанов, развивала, на мой взгляд, философия.

Что это за способ?

Его явственно демонстрирует сын Зевса, мусaget Аполлон. Это разум, даже Свет разума – вот что достойно человека божественной природы. Те, кто после низвержения титанов избрал служение богам, приняли разум как символ веры. Отсюда рождается особая философская культура античной Греции, презирающая не просто ручной труд, а тех людей, которые *думают руками*. Мифология уже содержит это отношение. Юнгер пишет: «Его (Гефеста – А.III.), как и Прометей, отличает, что оба они могут создать нечто только в процессе труда. В этом – их отличие от творчества других богов, которое не предполагает усилий и совершается легко» [20, с. 87].

Тут Юнгер при всей его проницательности не совсем прав: творчество богов совершается не просто легко, оно совершается *иначе*, именно так, как это и видела философская культура мысли. Оно совершается так, как это описывают Упанишады: боги творят созерцанием! И при этом они не приемлют тех, чье творчество выплескивается через руки. «Совершенно очевидно, что боги не любят хомо фабера и либо борются с ним, либо

терпят возле себя, как Гефеста, но относятся к нему как к полубурлескному персонажу. Боги враждуют с непокорными и мятежными титанами, но ведь вся техника ведет свое начало от титанов, и хомо фабер принадлежит к титанидам. Поэтому мы впервые встречаемся с ним среди вулканического ландшафта» [21, с. 243].

Миф был ложью для логоса. Тем не менее логос античной философии не мог вырваться из круга вопросов, поставленных мифом, словно миф был гораздо ближе к действительности нашего мира, чем прозрения самых умных из мудрецов. И самый прозорливый из них, Платон, никогда не гнушавшийся мифами, создает рассуждение, которое никто не связывал с борьбой богов и титанов. Да в нем и непросто усмотреть эту борьбу. Начиная с «Федра», в «Государстве» и «Тимее» Платон описывает то устройство человеческой души, которое отразилось в делении полиса на сословия.

Прометей, переходя на сторону богов, заявляет: богов не победить стихийной силой, их надо побеждать иначе! Это означает: их надо побеждать *иной* силой! Вот об этом и говорит Платон. Исследуя, какие силы имеются в человеке, он полностью исключает силы телесные, рассматривая лишь силы души, которую Афина по просьбе Прометея вложила в тела железных людей. Мы можем назвать эти силы внутренними. Но они такие разные! Сила *охоты*, присущая земледельцам, ремесленникам и торговцам; силы духа и силы ума у тех, кто избрал божественный путь развития. *Эпителиме* – внизу, в животе, *тумос* в середине, в сердце, *логистикон дюнамис* – в голове. Тартар и небеса вращаются на оси, которую поддерживают стражи порядка...

Так до сих пор устроено общество, где идет постоянная борьба за власть. Но ту же борьбу можно наблюдать и в каждом отдельном человеке. Платон описывает, как разумное начало подавляет в нас титаническую потребность хотеть и иметь без меры. «Да и во многих других случаях разве мы не замечаем, как человек, одолеваемый вождениями вопреки способности рассуждать, бранит сам себя и гневается на этих поселившихся в нем насильников? Гнев такого человека становится союзником его разуму в этой распре, которая идет словно лишь между двумя сторонами. А чтобы гнев был заодно с желаниями, когда разум налагает запрет, такого случая, думаю я, ты никогда не наблюдал, признайся, ни в самом себе, ни на других» [16, IV, 440b].

Рассуждение об устройстве общества углубляется внутрь естества человека. И рассуждение это именно о том, как не дать ничтожному большинству перевернуть мир и как воспитать сословие, способное держать это большинство в узде. В сущности, этому посвящена вся древнегреческая *пайдейя*, искусство воспитания благородных и свободных людей. Суть этого

углубления – в описании внутреннего устройства человека, определяющего, какими источниками силы должен пользоваться тот, кто служит разуму. Вслед за Гиппократом Платон углубляется в тонкую анатомию человека, последовательно описывая в различных диалогах его тонкий силовой состав вплоть до описания жил, расходящихся из области пупка по телу человека сеткой, подобной плетеной корзине. И делает однозначный вывод: избравшие путь Зевса, т. е. путь разума и путь человека, правят городом, но должны с помощью стражей держать в повиновении ничтожное большинство свободных граждан, чтобы те не перевернули мир, избрав путь ремесла, а значит, техники и машины.

Пришедшее через несколько веков христианство создало иной образ мира и совершило переворот в умах, позволив рабам, женщинам и всему ничтожному большинству подняться к вершинам власти...

Мы рассуждаем о революциях как о социальных явлениях, но античная философия дошла до видения их причин в выборе тех жизненных сил, с помощью которых мы овладеваем миром. И, судя по тому, как биологические тела людей охотно срачиваются с машинами и приборами, перерождаясь в особую биомеханическую стихию, пока побеждает сила титанов.

Человек всё больше срастается с машиной. В нем всё больше механических органов, он уже не наслаждается пищей, а «заправляется» питательными веществами. Он думает, как искусственный интеллект машины, и инженеры уже всерьез обсуждают технологии управления предприятиями без человека...

Думается мне, что мы однажды сделали выбор быть с богами, быть их творением – человеком разумным. Но это сделало именно нас полем битвы богов и титанов, потому что мы живем в прекрасном и яростном мире стихий, который может и пережить Разум вместе с его носителями.

Литература

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / изд. подгот. В.Г. Борухович. – Л.: Наука, 1972. – 215 с.
2. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с англ. и нем. В.В. Библихин. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 414 с.
3. *Аристотель*. Политика // Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч. С. Жебелев. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
4. *Видадь-Накэ П.* Эпос о двусмысленном: ремесленники в городе-государстве Платона // Видадь-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. – М.: Ладомир, 2001. – С. 245–266.
5. *Гесиод*. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 21–51.
6. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / пер. с англ. К.П. Лукьяненко. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.

7. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книги 4–7. Греческая мифология / пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. О.П. Цыбенко. – СПб.: Алетейя, 2017. – 376 с.
8. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986. – 234 с.
9. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
11. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Наука, 1993. – 379 с.
12. Ксенофонт. Сократические сочинения; Киропедия. – М.: АСТ: Ладомир, 2003. – 757 с.
13. Лосев А.Ф. Греческая мифология // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 9–226.
14. Первый Ватиканский мифограф / пер. с лат., вступ. ст. и коммент. В.Н. Ярхо. – СПб.: Алетейя, 2017. – 294 с.
15. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т.: т. 1 / пер. М.С. Соловьева. – М.: Мысль, 1990. – С. 70–96.
16. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т.: т. 3. – М.: Мысль, 1994.
17. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории // Трубецкой С.Н. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – С. 43–480.
18. Эсхил. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 169–211.
19. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – 3-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2004.
20. Юнгер Ф.Г. Греческие мифы / пер. с нем. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 397 с.
21. Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 559 с.

Статья поступила в редакцию 26.09.2018.

Статья прошла рецензирование 14.02.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-133-154

THE WORLD DIED AGAIN. LONG LIVE THE WORLD!

Shevtsov Aleksander,

D. of Sc. (Psychology),

Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia,

48, Moika River Embankment, 191186, St. Petersburg, Russian Federation

al.al.shevtsov@gmail.com

Abstract

Philosophy (as the world-view) was not the first way to create a description of the world. Before that there was a whole sequence of other descriptions. It is very important that the epos gradually displaced the myth, and logos displaced epos. By the 5 century BC, the truth was sought philosophically, and it is the Logos that becomes the language of philosophy and the new worldview. The author analyzes the words of Plato from the fourth book of "The Republic", in which he talks about the subtle power structure of a person. We are talking about those forces - dunamis - which determine to which part of the society this or that person belongs. Those who rule must develop the logisticon - the power of the mind or, more precisely, the reason; defenders and guards - the power of thumos (spirit). But the rest of the free citizens of the city-state live on the force, called epithumia, that is, desire. The article discusses the movement back: from the change of worldview and revolutions to the very first coup - the battle of the Titans and Gods. Why philosophers, who in general do not recognize the gods, were on their side? The particular outrage of the Greek philosophers was caused by the way of thinking, used by the people of manual labor. The insignificance of manual labor is a serious ideological attitude, manifested through the public opinion of the ruling class, because it is manual labor that is a sign of the majority of society: farmers, artisans and merchants. In other words, we can interpret the revolution that took place in the world of the gods and raised Olympus over the Earth as the struggle of the previous cults with the new, with the cult of gods of the military aristocracy.

But the author is convinced that the struggle for Olympus is not over yet. If you listen, you will hear that there is a battle for the Mind, changing the nature of man. Because we have made the choice: to be with the gods, to be their creation – Homo sapiens.

Keywords: philosophy, worldview, myth, epos, logos, Plato, soul, mind, the Titans, gods.

Bibliographic description for citation:

Shevtsov A. The world died again. Long live the world! *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 1, pp. 133–154. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-133-154.

References

1. Apollodor. *Mifologicheskaya biblioteka* [Mythological library]. Ed. prep. V.G. Borukhovich. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russian).
2. Arendt H. *Vita activa oder vom Tatigen Leben*. Stuttgart, W-Kohlhammer GMBH, 1960 (In English: *The Human Condition*. Chicago, Illinois, University of Chicago Press, 1958) (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. Translated from German and English V.V. Bibikhin. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2017. 416 p.).
3. Aristotle. Politika [Politics]. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Translation from ancient Greek S. Zhebelev. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (In Russian).
4. Vidal-Naquet P. Etyud o dvusmyslennom: remeslenniki v gorode-gosudarstve Platona [A study in ambiguity: artisans in the Platonic]. Vidal-Naquet P. *Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The Black Hunter. Forms of Thought and Forms of Society in the Greek World]. Moscow, Ladomir Publ., 2001, pp. 245–266. (In Russian).
5. Hesiod. Teogoniya [Theogony]. Hesiod. *Polnoe sobranie tekstov* [Complete Works]. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 21–51. (In Russian).
6. Graves R. *The Greek myths*. Baltimore, Penguin Books, 1955 (Russ. ed.: Greivs R. *Mify Drevnei Gretsii*. Translated from English K.P. Luk'yanenko. Moscow, Progress Publ., 1992. 624 p.).
7. Diodorus Sicilian. Istoricheskaya biblioteka. Kn. 4–7. Grecheskaya mifologiya [Library of History. Bk. 4–7. Greek Mythology]. Translated from ancient Greek, introduction and comments by O.P. Tsybenko. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017. 376 p. (In Russian).
8. Dumézil G. *Verkhovnye bogi indoevropaitsev* [Supreme Gods of Indo-Europeans]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 234 p. (In Russian).
9. Dumézil G. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian epos and mythology]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 276 p. (In Russian).
10. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei* [Research in the field of Slavic antiquities]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 342 p.
11. Xenophon. *Vospominaniya o Sokrate* [Memoirs of Socrates]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 379 p. (In Russian).
12. Xenophon. *Sokraticheskie sochineniya; Kiropediya* [Socratic writings; Cyropaedia]. – Moscow, AST Publ., Ladomir Publ., 2003. 757 p. (In Russian).
13. Losev A.F. Grecheskaya mifologiya [Greek mythology]. Takho-Godi A.A., Losev A.F. *Grecheskaya kul'tura v mifakh, simbolakh i terminakh* [The Greek culture in myths, symbols and terms]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999, pp. 9–226.
14. *Pervyi Vatikanskiy mifograf* [The first Vatican mythograph]. Translation from Latin, introduction and comment. by V.N. Yarkho. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017. 294 p.
15. Plato. Apologiya Sokrata [Apology of Socrates]. Plato. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vol.]. Translation from the ancient Greek. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 70–96. (In Russian).

16. Plato. Gosudarstvo [State]. Platon. *Sobranie sochinenii*: v 4 t. [Complete Works: in 4 vol.]. Translation from the ancient Greek. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3, pp. 79–420. (In Russian).
17. Trubetskoi S.N. Uchenie o logose v ego istorii [The doctrine of the logos in its history]. Trubetskoi S.N. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 43–480.
18. Aeschylus. Prometei prikovannyi [Prometheus bound]. Aeschylus. *Tragedii* [Tragedy]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971, pp. 169–211. (In Russian).
19. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Pod redaktsiei N.M. Shanskogo* [Etymological dictionary of the Russian language. Ed. by N.M. Shansky]. 3rd ed., rev. Moscow, Drofa Publ., 2004.
20. Junger F.G. *Grecheskie mify* [Griechische Mythen] (In English: Greek myths). Translated from German A.P. Shurbelev. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2006. 397 p. (In Russian).
21. Junger F.G. *Sovershenstvo tekhniki* [Die Perfektion der Technik] (In English: Perfection of the technology). Translated from German I.P. Streblova. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. 559 p. (In Russian).

The article was received on 26.09.2018.

The article was reviewed on 14.02.2019.